

Видя, что Лю Чжэньцин говорит об этом без тени грусти, Хо Юньцы и Хо Юньцзянь отбросили сомнения. Впрочем, они всё равно дулись на этого «дядюшку Лю» за несерьёзность — надо же, вздумал дразнить детей ради забавы!

Зато благодаря его заступничеству второй дядя снял с них наказание и позволил свободно гулять по поместью. Должно быть, генерал Хо рассчитывал, что близнецы займут гостя, а потому они решили простить «дядюшке» его капризы — великодушно, как подобает взрослым.

Лю Чжэньцин в одном не ошибся: близнецы были прекрасно воспитаны и не умели долго таить обиду. Одно плохо — слишком уж они любили совать нос в чужие дела. Лю Чжэньцин даже терялся в догадках, в кого они пошли: ни Хо Фэйхань, ни Ли Синжо в былые времена страстью к сплетням не отличались.

Теперь же ребята снова вернулись к теме расторгнутой помолвки. Рассуждали они на редкость здраво: если уж Лю Чжэньцин потерял память и больше не сохнет по их второму дяде, зачем ему было самому рвать брачный союз?

— Отчего же? Всё просто... наши гороскопы не сошлись. Стоило нам обручиться, как на мою голову посыпались несчастья. Вот и пришлось расторгнуть помолвку.

— Врёте! — фыркнула Хо Юньцы. — Все знают, что несовпадение гороскопов — это просто отговорка, когда хотят разорвать помолвку.

— К тому же такой шаг бьёт по репутации обеих сторон, — добавил Хо Юньцзянь.

Лю Чжэньцин ошарашенно уставился на детей. Неужели эти двое не знали, что их собственная матушка в своё время тоже расторгла помолвку?

Именно с ним, и по той же самой причине — якобы из-за несходства судеб.

То была легендарная история о том, как младшая сестра-наставница сперва была его невестой, а потом сделалась невесткой.

В те годы Лю Чжэньцин и Ли Синжо далеко не сразу узнали, что их сосватали. Сам Лю Чжэньцин не был слепцом и прекрасно видел, что его старший брат Хо Фэйхань и Ли Синжо давно влюблены друг в друга. Разве мог он встать у них на пути?

Он до сих пор помнил, как Ли Синжо вцепилась в его воротник и в ярости трясла: «Живо придумай что-нибудь! Из-за этой твоей дурацкой помолвки он меня дичится!»

Лю Чжэньцин, конечно, только радовался за них. Он и сам не желал брака по сговору, к тому же характер у взрывной младшей сестры был тот ещё — с её крутым нравом мог совладать только такой добродушный упрямец, как Хо Фэйхань.

Однако Лю Чжэньцин не удержался от искушения её подразнить: «Это же ваше дело, чего ко мне приставать? Да и вообще, чем я плох как муж? Чего ты воротишь нос?»

«Да ты красивее меня! Такого, как ты, нужно не замуж брать, а самому в гарем сажать!»

Комплимент вышел сомнительный, и Лю Чжэньцин тогда изрядно обиделся. Но он знал её крутой нрав: один раз возразишь — ладно, на второй — получишь по шее. В итоге он прикинулся тяжелобольным и расторг помолвку под предлогом несовпадения гороскопов. Старшие, судя по всему, обо всём догадывались — они втроём с детства были не разлей вода, и этот предлог требовался лишь для того, чтобы уберечь девичью честь от сплетен.

Потом Ли Синжо обручилась с Хо Фэйханем, и Лю Чжэньцин «чудесным образом» пошёл на поправку. Жаль только, что мир полон злых языков. Позже обыватели извратили эту историю, судача, будто Лю Чжэньцин затаил обиду, что и породило кучу грязных слухов.

Глядя сейчас на плоды их счастливого союза, Лю Чжэньцин мог лишь радоваться, что в своё время не пошёл на поводу у вековых устоев. Как хорошо, что они тогда расторгли ту помолвку.

Расправившись с завтраком, близнецы не спешили уходить. Им явно нравилось общество Лю Чжэньцина. Должно быть, потому, что тот не напускал на себя важность, как прочие старшие, а держался просто — словно взрослый приятель.

После завтрака они вызвались показать ему усадьбу. Вчера он осматривал её наспех, подмечая лишь общую пестроту, но сегодня разглядел всё до мелочей. Здешний сад совершенно не походил на те изящные уголья, что любили обустраивать столичные вельможи.

Прежнее озеро Сяоцзинху превратилось в извилистый ручей, обложенный диким камнем и засаженный густой травой ради сходства с лесной речушкой. И плавали в нём не капризные золотые рыбки, а самые обычные карпы да амуры. Навесы на воде заменили простой беседкой, откуда было удобно удить рыбу. Бамбуковую рощу на южной стороне вырубili, высадив вместо неё персиковые деревья, на севере устроили виноградные шпалеры, восточную часть отвели под плац для тренировок, а на западе возвели двухъярусную Башню Созерцания Звезд.

Они устроились в беседке. Хо Юньцы указала на небольшой водопад, которым заканчивался ручей:

— Видишь каменную плиту у самого подножия? Если встать на неё с мечом — дух захватывает! Это моё самое любимое место.

Лю Чжэньцин окинул взглядом сад. Отсюда, из беседки, открывался лучший вид на все его затейливые уголки: журчащий поток, живописные валуны, поросшие мхом, персиковый сад и шумящий водопад. В этом месте не чувствовалось мирской суеты — оно казалось диким, нетронутым уголком природы. Лю Чжэньцин любовался пейзажем, и вдруг его кольнуло странное чувство дежавю. Будто он уже видел нечто подобное в своих странствиях, но никак не

мог вспомнить где именно.

Он прищурился, пытаясь ухватиться за ускользающую мысль, как вдруг заметил деталь, которая совершенно выбивалась из общей картины, разрушая гармонию и обрывая нить его воспоминаний.

Присмотревшись, он заметил неподалёку от беседки невысокий земляной холм, на вершине которого росла одинокая плакучая ива. Её сухие ветви с первыми нежными почками низко склонялись над бегущей водой. Ива росла на самом возвышении, отчего её силуэт выглядел несколько чужеродно.

Когда-то вдоль озера рос целый ряд ив, красиво отражаясь в воде. Но весной от их пуха не было спасения, многие слуги без конца чихали, поэтому деревья в конце концов вырубili. Откуда же взялось это уцелевшее дерево?

В этот момент двое слуг, приставленных к Дворнику Снежного Пуха, принесли чай и угощения. Лю Чжэньцин обратил внимание на то, как странно они шли: они демонстративно огибали вымощенную камнем дорожку, ведущую мимо ивы, хотя этот путь к беседке был самым коротким.

— Почему они идут в обход? — удивлённо спросил Лю Чжэньцин.

Близнецы переглянулись, для них в этом не было ничего необычного:

— Да просто под этой ивой наш второй дядя обычно медитирует и тренирует внутреннюю силу. Он проводит там кучу времени, вот слуги и привыкли обходить холм стороной.

Услышав это, Лю Чжэньцин не выдержал и прыснул от смеха.

— Чего тут смешного? — удивились близнецы.

— Неужели слуги в усадьбе так боятся генерала Хо? — спросил Лю Чжэньцин. — Он что, настолько суров? Рассказываете так, будто к нему и подойти никто не смеет, даже шагу в его сторону ступить боятся.

— Его и вправду все боятся, даже мы, — призналась Хо Юньцы. — Но он никогда на нас не кричит. Наверное, всё дело в том, что второй дядя командует огромной армией, занимает высокий пост и одним своим видом внушает трепет.

— Эта суровость закалена в боях, — добавил Хо Юньцян. — Когда он медитирует на холме, мы сами не смеем подходить близко. Даже дворецкий Тянь не рискует подниматься — стоит на дорожке у подножия и оттуда говорит. В усадьбе только матушка могла подойти к нему во время тренировок.

— Какая строгость! — покачал головой Лю Чжэньцин. — А как же слуги, которые приставлены за ним ухаживать?

— В его дворе вообще нет постоянных слуг. К нему заходят только раз в день прибраться, а в остальном второй дядя обходится сам.

Лю Чжэньцин неподдельно изумился.

Хо Юньцы с гордостью подбоченилась:

— Я как-то расспрашивала матушку, и она сказала, что второй дядя держит себя в строгости. На войне ведь слуг нет, приходится со всем справляться самому, ни на кого не полагаясь.

— Думаю, он просто привык к походной жизни в военном лагере, — заметил Хо Юньцзянь. — Мало того что ему не нужны слуги, так он и покоями своими почти не пользуется, разве что в кабинет заглядывает. Мы только недавно узнали, что дядя спит прямо в беседке или под той ивой. И возвращается под крышу только в сильную непогоду.

— Что? Но почему? — Лю Чжэньцин обомлел от удивления.

— Матушка говорит, что он слишком привык засыпать под открытым небом, сторожа лагерь. Домашняя постель кажется ему душной, а на сырой земле он сразу успокаивается, — с гордостью объявила девочка. — Ну скажи, разве мой второй дядя не потрясающий? Только истинный, великий полководец способен на такое, верно?

Лю Чжэньцин натянуто улыбнулся и кивнул.

"Да уж... потрясающий..."

Но на душе у него сделалось горько. В прежние годы, когда они все были вместе, Эрдгоу не знал таких привычек. Если бы Хо Фэйхань увидел, до чего его младший брат довёл себя на службе отечеству, у него бы сердце кровью облилось.

Так они втроём и провели всё утро в саду за разговорами.

Тем временем Хо Фэнле прибыл в императорский дворец. Старший евнух, дежуривший у дверей главного зала, завидев генерала, торопливо засеменил навстречу:

— Генерал Хо! Его Величество приказал пропустить вас без доклада, проходите прямо так.

— Благодарю вас, уважаемый, — отозвался Хо Фэнле.

Едва переступив порог, Хо Фэнле услышал пронзительный женский крик, сочащийся злобой и негодованием:

— Ваше Величество возводит на меня напраслину! Какое отношение к этому делу о злоупотреблениях на императорских экзаменах имею я или мой двоюродный брат?! Если эти выскочки жульничали, так велите отрубить им головы! Мой брат не жалел сил, выискивая таланты на благо Великой Чжоу, а его бросают за решётку без суда и следствия! Парчовая стража, Восточное депо — ух, какие грозные! А доказательства у вас есть?!

Хо Фэнле вошёл в зал. Посреди палаты, высоко задрав подбородок, неистовствовала Великая принцесса Юань Юйин. По обе стороны от неё с непроницаемыми лицами застыли верховный командующий Парчовой стражи Хэ Цун и директор Восточного депо.

— Есть ли доказательства или нет, мы узнаем лишь тогда, когда Ваше Высочество соизволит оказать содействие следствию, — холодно отозвался Хэ Цун.

— Просим Ваше Высочество не чинить нам препятствий. Мы лишь исполняем свой долг, — добавил директор Восточного депо.

Сидевший за резным столом молодой император Юань Цзюе помрачнел, едва сдерживая раздражение. Лишь заметив вошедшего Хо Фэнле, он слегка оживился:

— А, ты пришёл.

Хо Фэнле шагнул вперёд и склонился в приветствии.

— Ты вчера вызвался распутать это дело. Есть ли новости? — спросил император.

При этих словах все присутствующие с изумлением уставились на генерала. Их удивлению не было предела: сколько они знали Хо Фэнле, тот никогда не совал нос в дела, не касавшиеся войны и армии. Борьба за власть и придворные интриги его не интересовали, и он ни за что не стал бы выслуживаться перед престолом ради сомнительного влияния.

Великая принцесса решила, что Хо Фэнле просто ищет повод поквитаться с её семьёй, и одарила его испепеляющим взглядом. Глава Восточного депо и командующий Парчовой стражи, напротив, крепко задумались. До них уже долетели слухи, что Хо Фэнле силой увёл из-под стражи старшего молодого господина семьи Лю.

Лю... Одно это имя заставляло содрогаться. Стоило им вспомнить о мятежном семействе, как в мыслях обоих возник образ покойного канцлера, и лица их невольно вытянулись.

Нетратя слов на пустые доклады, Хо Фэнле достал свиток с признательными показаниями и передал его государю. Бумага была густо запятнана бурой кровью, да и от самого генерала, несмотря на свежие одежды, всё ещё исходил едва уловимый медный запах.

Неужели он только что из пыточной? Ни Парчовая стража, ни Восточное депо не решались применить к двоюродному брату принцессы «особые меры», но у Хо Фэнле, очевидно, подобных предрассудков не водилось.

Юань Цзюе пробежал глазами текст признания, и лицо его потемнело от гнева.

— Тридцать пять тысяч... золотых таэлей. И это только за одни императорские экзамены! Да ещё в стоворе с академиями по всей стране — и на севере, и на юге. Каков у твоего Жун Шимина аппетит! — Юань Цзюе горько усмехнулся. — Я и не знал, что должности в моём государстве нынче так высоко ценятся. Что же ты, тётушка, не поделилась с племянником столь прибыльным делом? Помогла бы заодно наполнить пустующую казну.

Великая принцесса побелела. Названная сумма была слишком точной. Неужели...

— Неслыханная дерзость! — Юань Цзюе с грохотом опустил ладонь на стол, заставив принцессу вздрогнуть всем телом.

— Ваше Величество, это ложь! Чистой воды навет! Нас подставили недоброжелатели! — заголосила она, пытаясь выгородить себя.

— Здесь всё написано чёрным по белому! Собственноручная подпись твоего братца! Или ты скажешь, что он сам себя оговорил?! — Юань Цзюе швырнул исписанные листы прямо к её ногам.

Принцесса скользнула взглядом по строчкам — там действительно во всех подробностях расписывался каждый шаг их преступного сговора. В один миг осознав, чьих это рук дело, она в ярости обернулась к Хо Фэнле:

— Ты... Это ты выбил из него показания! Ты силой заставил его оклеветать себя! Что ты с ним сделал?!

Хо Фэнле встретил её яростный взгляд совершенно спокойно:

— Дышит ещё.

Принцесса задохнулась от возмущения:

— Ваше Величество, разве можно принимать на веру показания, добытые под пытками?!

Самоуправство генерала Хо — это прямое попрание законов империи!

— Тётушка, ты, я вижу, не успокоишься, пока не окажешься на плахе, — устало вздохнул Юань Цзюе. — Что ж, Хэ Цун, забирай бумаги. Проверь каждое имя, собери все улики до единой и предъяви Великой принцессе, чтобы у неё не осталось сомнений. А её саму — увести!

— Слушаюсь, — Хэ Цун поклонился и повернулся к Юань Юйин: — Прошу вас, Ваше Высочество.

— Не смей ко мне прикасаться! — завизжала принцесса, теряя последнее самообладание. Ткнув пальцем в сторону императора, она закричала: — Юань Цзюе! Неужели ты забыл, кто я такая?! Я твоя родная тётка! Если бы не моя помощь в Сихэне, ты бы до сих пор гнил там на положении безродного заложника и никогда не вернулся бы на родину! И теперь из-за какого-то пустячного дела на экзаменах ты готов растоптать былую преданность?! Какая чёрная неблагодарность!

Затем она набросилась на Хо Фэнле:

— И ты, неблагодарный щенок! Ты ведь прозябал в Сихэне вместе с ним! Спасти императора значило спасти и тебя! Как у тебя только рука поднялась пойти против своей спасительницы?!

— Воины армии Хо заплатили дорогую цену, чтобы вызволить Ваше Высочество из Сихэна. Долг жизни уплачен сполна, — безучастно обронил Хо Фэнле.

— Ах ты!.. — принцесса зашлась в беззвучном крике, задыхаясь от бессильной ярости.

— Тётушка, все эти годы я помнил о твоих заслугах и закрывал глаза на твоё корыстолюбие, — ровным, леденящим тоном произнёс Юань Цзюе. — Но императорские экзамены — это основа государства, стержень, на котором держится империя. Сюда совать руки я никому не позволю. Ты совершила непростительную ошибку, и моему терпению пришёл конец. Когда суд докажет вину, тебя лишат титулов и сошлют, но я пощажу твою жизнь и позволю закончить дни в покое.

Глядя в холодные, лишённые тепла глаза племянника, Великая принцесса вдруг всё поняла. Все эти годы Юань Цзюе просто выжидал удобного случая. Она слишком долго спекулировала своей былой помощью, требуя взамен непомерной власти и влияния. И в конце концов терпение монарха лопнуло. Прежде его власть не была столь прочной, и ему приходилось мириться с её капризами. Но теперь всё изменилось. Время пришло.

Принцесса сама принадлежала к императорской крови и повидала на своем веку немало интриг. Она сразу поняла: игра проиграна. Наличие улик было лишь предлогом — император попросту решил избавиться от неё.

Великая принцесса вдруг разразилась безумным хохотом:

— Прекрасно! Просто великолепно! Отец выдал меня замуж на чужбину ради союза, матушке не было до меня дела, а супруг осыпал оскорблениями. Твой отец, покойный наследный принц, был человеком мягкосердечным, за что и поплатился жизнью от рук трёх своих дядей-князей. Зато тебя Лю Чжэньцин воспитал на славу: когда нужно проявить жестокость, рука твоя не дрогнет. Великая Чжоу в надёжных руках, Юань Цзюе!

Хо Фэнле даже бровью не повел, зато Хэ Цун и директор депо мгновенно переменились в лице и поспешно опустили головы, делая вид, будто ничего не слышали. Одно имя Лю Чжэньцина до сих пор наводило ужас.

Юань Цзюе никак не отреагировал на её выпад. Он лишь неторопливо постучал тонкими пальцами по столу и бросил:

— Уведите.

Затем он жестом велел остальным удалиться. В зале остался один лишь Хо Фэнле.

Раздражение на лице государя тут же сменилось задумчивостью. Откинувшись на спинку трона, он лениво покручивал на большом пальце нефритовый перстень.

Обычно Хо Фэнле не решался нарушать раздумья государя, но на этот раз заговорил первым:

— Ваше Величество, причастна ли семья Лю к делу о злоупотреблениях на императорских экзаменах? Мои люди не нашли на них ничего подозрительного.

Юань Цзюе поднял на него взгляд, в котором сквозило удивление:

— Чжаньюань, ты сегодня сам не свой. Неужели только ради того, чтобы отблагодарить молодого господина Лю за спасение близнецов, ты готов лично вести расследование и укрывать беглеца в своем поместье? Я, кажется, слишком тебя разбаловал. Не боишься, что завтра на тебя посыплются доносы от недоброжелателей?

Хо Фэнле опустил взор:

— Семья Хо всегда платит по долгам.

Юань Цзюе снисходительно покачал головой:

— Не беспокойся, к махинациям на императорских экзаменах Лю не имеют отношения. Но

неприятности у них действительно серьёзные.

Хо Фэнле с недоумением посмотрел на государя.

— Помнишь, я велел наспех закрыть дело о покушении на Торжественной церемонии весенней пахоты? — спросил Юань Цзюе. — Я сделал это вовсе не потому, что следствие зашло в тупик.

— Семья Лю замешана в покушении? И вы знали об этом заранее? — Хо Фэнле не сумел скрыть изумления. Если Лю пособничали заговорщикам, кара за такое преступление могла стереть весь их род с лица земли.

— Скажем так, первые тревожные звоночки дошли до меня ещё до того, как убийцы обнажили клинки.

— Если вам было известно о готовящемся ударе, почему вы не приняли должных мер безопасности, чтобы обезвредить заговорщиков заранее? — прямо спросил Хо Фэнле.

Юань Цзюе тихо рассмеялся:

— С чего мне было волноваться, если ты всегда рядом? К тому же, предупреди я тебя заранее, ты бы выдал себя при первой встрече. Актёр из тебя, Чжаньюань, никудышный.

Генерал промолчал, сокрушённо опустив голову.

— Я действительно знал, что на празднике прольётся кровь. Но если бы мы схватили их сразу, оборвалась бы ниточка, ведущая к верхушке. Ведь исполнители наверняка оказались бы простыми смертниками, готовыми принять яд при первой угрозе. Теперь мы знаем, что за этим стоят недобитые приспешники времен Мятежа Трёх Князей. Но кто направляет их руку? Кое-кто когда-то учил меня: истинному правителю не подобает уподобляться грозе, карающей при первой вспышке гнева. На горячую голову великих дел не вершат. Государь должен взвесить каждый шаг и извлечь из ситуации наибольшую выгоду. Чтобы поймать крупную рыбу, нужно отпустить леску подальше.

Хо Фэнле окаменел. Эти слова мог сказать императору лишь один человек в поднебесной.

Юань Цзюе, казалось, не заметил, как всколыхнул память своего генерала. Он продолжил, задумчиво оглаживая кольцо:

— К тому же это покушение дало мне прекрасный повод отобрать власть над Столичным гарнизоном у дряхлых вельмож и передать её преданной Парчовой страже. Если игра стоит свеч, можно и рискнуть. Я дал тем никчёмным чинушам десять дней на расследование лишь затем, чтобы усыпить бдительность заговорщиков. Приближались весенние императорские экзамены, в столицу со всей страны съезжались учёные мужи. Слухи о покушении могли

взбудоражить умы, породить кривотолки. Нельзя было затягивать с делом. Закрыв следствие для вида, мы смогли продолжить его тайно. И в итоге выяснили: мятежники проникли в столицу на речных судах Торгового союза семьи Лю. Нам ещё предстоит узнать, кто именно из Лю приложил к этому руку, виновны ли они все или их использовали втёмную, и не помогали ли они врагам короны и прежде.

— Значит, обвинение в злоупотреблениях на императорских экзаменах — лишь уловка, чтобы не спугнуть истинных виновников? — уточнил Хо Фэнле.

— Именно так, — улыбнулся Юань Цзюе. — План действий пока не до конца созрел. Но учти, Чжаньюань... за спасение этого молодого человека тебе придётся заплатить свою цену.

Хо Фэнле склонил голову:

— Смиренно приму любое ваше решение, Ваше Величество.

— Полно тебе, я пошутил, — император негромко рассмеялся, но взгляд его вновь сделался серьёзным. — Но признаться, я и сам надеюсь, что семья Лю ни при чём. В конце концов... от их рода почти ничего не осталось. Если отбросить государственные заботы и вспомнить былые времена, ради старой дружбы стоило бы сберечь их жизни. Как думаешь, Чжаньюань?

— Как будет угодно Вашему Величеству, — негромко отозвался Хо Фэнле.

— Ладно, ступай. Когда всё обдумаю, мы продолжим этот разговор.

Хо Фэнле поклонился и покинул тронную палату.

Не успел он пройти и половины пути по дворцовому коридору, как навстречу ему показалась пышная свита. Во главе шествовала женщина в роскошном затканном золотом фениксовом одеянии. Выглядела она на удивление молодо — едва ли ей можно было дать больше двадцати пяти лет, хотя в действительности её возраст приближался к сорока. Она не была родной матерью Юань Цзюе. Будучи супругой-преемницей покойного наследного принца, она оказала молодому императору неоценимую помощь при восхождении на престол, за что удостоилась титула вдовствующей императрицы Яохуа.

Хо Фэнле отступил к стене и преклонил колено:

— Верный слуга приветствует Ваше Величество...

— Поднимитесь, генерал Хо, — раздался негромкий, певучий голос. Вдовствующая императрица сделала лёгкий жест ладонью, велев слугам отойти подальше. — У меня есть к вам дело.

— Слушаю вас, Ваше Величество.

— До меня дошли вести, что придворные купцы Лю попали в немилость. Закон запрещает мне вмешиваться в государственные дела, и просить государя напрямую я не могу. Надеюсь лишь на вас, генерал. Постарайтесь уберечь уцелевших членов этой семьи, если появится хоть малейшая возможность.

На лице Хо Фэнле отразилось крайнее замешательство.

Заметив его сомнения, императрица слегка нахмурилась:

— Хо Фэнле, я ведь помню те времена. Вы сами относились к нему как к старшему брату. Что бы ни произошло после его предательства...

Генерал поднял на неё серьёзный взгляд и твёрдо произнёс:

— Не беспокойтесь, Ваше Величество. Я сделаю всё, что в моих силах.

Яохуа облегчённо вздохнула, и её царственная суровость смягчилась, уступив место едва заметной тоске по ушедшим годам.

— Вот и славно. К слову... Восьмая принцесса в последнее время совсем извелась. Если выкроите свободный час...

— Простите, Ваше Величество, но дела службы требуют моего присутствия, — поспешно перебил её генерал. — Позвольте откланяться.

Глядя вслед торопливо удаляющемуся генералу, вдовствующая императрица тихо вздохнула. Хо Фэнле упрямо отказывался связывать себя узами брака, и почему только Ли Синжо никак не повлияет на деверя?

— Ваше Величество, вдовствующая супруга Цзяншуан ожидает вас, — почтительно напомнила придворная дама.

В это самое время в поместье генерала Лю Чжэньцин внезапно громко чихнул, сидя на ветке старой ивы. С земли донёсся встревоженный детский шёпот.

— Дядюшка Лю, поосторожнее! Не сломайте ветку! Если второй дядя узнает, нам несдобровать!

— Да слезайте вы уже! Я лучше дождусь возвращения дяди и попрошу его достать эту книгу! Вы же сейчас шею себе свернёте!

Бай Су, Хэ Лань и Цинь Юй, решившие заглянуть в усадьбу, пока хозяин был во дворце, как раз входили в сад. Увидев эту картину, они от удивления едва не забыли, как дышать.

Ещё вчера они жаждали расспросить Хо Фэнле о загадочном Лю Сяочжу, но поймать генерала оказалось делом немыслимым. Стоило тому покинуть дворец, как он сломя голову мчался домой, напрочь позабыв о казармах и игнорируя дружеские приглашения. Поведение его было столь необычным, что со стороны могло показаться, будто дома его ждёт молодая супруга. Впрочем, они прекрасно знали, что никакой красавицы в поместье нет — там укрывался беглый молодой господин из семьи Лю. Должно быть, Хо Фэнле просто торопился покончить с этим затянувшимся делом.

Выкроив свободное время, друзья собрались во Дворике Снежного Пуха, намереваясь дождаться генерала и разузнать подробности. Как верные товарищи, они готовы были предложить помощь, если понадобится. Но они никак не ожидали застать сцену, от которой у любого бы похолодело внутри.

Сколько они знали Хо Фэнле и его привычку уединяться под этой ивой, ни одна живая душа не смела даже близко подойти к заветному холму, не говоря уже о том, чтобы карабкаться на ветви. Как-то раз во время приёма один заносчивый гость прослышал об этой странности. Решив показать свою удачу, он назло всем взобрался на холм и сломал ивовую ветку. Закончилось это скверно — хвастуна вынесли из поместья с переломанными руками и ногами.

Сами они тоже обходили холм десятой дорогой. Никто их не предупреждал, но всякий раз, когда они приближались к дереву, их обдавало таким ледяным холодом от фигуры генерала, что желание подходить ближе пропадало само собой. В конце концов, у каждого должно быть место для покоя. Но то, что творилось сейчас... Этот юнец безумен! Словно глупый телёнок, который не боится тигра! Нужно немедленно стащить его оттуда, иначе он отправится к праотцам раньше времени!

От неожиданного испуганного окрика у Лю Чжэньцина, который только-только дотянулся до заветного Альбома рисунков из Сокровенных покоев, скользнула нога. С тихим вскриком он полетел вниз.

Все так и ахнули. К счастью, падение смягчили густые, гибкие ветви ивы. Запутавшись в них, Лю Чжэньцин каким-то чудом умудрился приземлиться на ноги совершенно целым и невредимым.

Однако лица присутствующих побелели от ужаса. Под тяжестью падающего тела множество ветвей с треском обломилось, и теперь когда-то пышная крона ивы выглядела сиротливо облысевшей. Такое увечье заметил бы даже слепой.

На всех лицах читался один и тот же приговор: «Нам конец». Лишь виновник переполоха

растерянно моргал, сжимая в руках спасённый Альбом рисунков из Сокровенных покоев.

Конечно, вышло неловко, но к чему этот траур? Обычное дерево, да и свалился он не нарочно.

"Неужели эта ива для него святыня? — Лю Чжэньцин растерянно оглядел усыпанную обломанными ветками землю. — Зачем же смотреть на меня так, будто я совершил святотатство? Словно небо вот-как рухнет на землю. Может, мне уже сейчас стоит прикинуть, в какой позе удобнее стоять на коленях, когда я буду вымаливать прощение у Эрдгоу?"

<http://bllate.org/book/20542/2189216>